

П. А. Амбарова

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В РАБОТАХ УРАЛЬСКИХ СОЦИОЛОГОВ

Уральская школа социологии дала богатые традиции изучения самых разных актуальных проблем общества – молодежи, культуры, образования, труда, профессии. Чувствительная не только к самым актуальным, но одновременно и к фундаментальным вопросам жизни, она не могла обойти стороной такую проблему, как социальное время. Внимание к ней было обусловлено не только в целом уровнем уральской социологической науки, но и таким фактором, как многогранность личности ее основателя – Льва Наумовича Когана, который, будучи одновременно философом, социологом, культурологом, не мог не обратиться к одной из самых междисциплинарных тем – социальному времени.

Пожалуй, самый глубокий развернутый анализ этой темы Л. Н. Коган дал в книге «Вечность»¹. Хотя книга посвящена прежде всего проблеме Вечности, тем не менее это книга и о времени, поскольку сущность Вечности и Времени определяется им через соотнесение с их друг с другом. В ней показано, как исторически развивались представления о времени (мифологическом, эпическом, средневековом) и формировалась диалектическая взаимосвязь категорий времени и вечности.

Важной является его идея о том, что время и вечность связаны между собой посредством двух противоположных явлений – переходящего и непреходящего в жизни человека. «Вечность, – писал Л. Н. Коган, – то, что объединяет «круги» развития, сближает их, она – постоянное, *инвариантное*, непреходящее в непрерывной смене таких «кругов» и состояний»². Иначе говоря, вечное – это то, что остается неизменным во времени, при любых социальных изменениях и трансформациях: это вечные ценности (любви, дома, творчества, свободы); это социальная память народа (которую Коган называл спасением Вечности); это общечеловеческие принципы и нормы культуры. Все они составляют моменты вечности в повседневной жизни человека³.

¹ Коган Л. Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека. Екатеринбург : УрГУ, 1994.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 86–87.

Благодаря наличию непреходящего, вечного в культуре осуществляется преемственность между поколениями и эпохами. Преемственность означает, по Л. Н. Когану, не просто повторение старого или механическое «наслаивание» нового на неизменное. Она означает включение или растворение старого в новом: «Непреходящее возрождается со смертью старого в новом и этим обеспечивает единую цепь развития, живую преемственность в отрицании»¹.

Эта идея проходит «красной нитью» через всю книгу и получает особое звучание в связи с идеями синергетики. Преемственность обеспечивает присутствие вечного в жизни каждого поколения людей и позволяет сохранить равновесие в культуре и обществе как динамических системах. Время же связывается Л. Н. Коганом с неравновесностью: «Только неравновесие дает возможность появиться стреле времени; в состоянии равновесия она невозможна»². Это высказывание, на наш взгляд, может служить важным методологическим основанием для дальнейшего социологического анализа социального времени, но, к сожалению, не получило последующего развития в книге «Вечность». Л. Н. Коган ставит проблему познания Вечности и Времени и обосновывает возможность не только рационального, но и интуитивного и эмоционального способов их познания. Отталкиваясь от его мнения о том, что у человека есть *чувство Вечности*, которое существует на эмоциональном уровне, можно говорить и об эмоциональном уровне существования *чувства Времени*. Не случайно он говорит о чувстве страха перед временем, а источник его видит в главном противоречии человека – «между его абсолютной и вечной сущностью и преходящим, временным существованием»³.

Л. Н. Коган был человеком, жившим на грани веков и остро чувствующим происходящие и грядущие перемены, кардинально менявшие облик культуры и общества в ХХI в., в том числе характеристики его социального времени. При этом он с опасением говорил об убыстрении темпов социальной жизни, уплотнении единицы времени, ускорении и без того быстротечной жизни человека. Он отмечал парадоксальность ситуации, когда более длительная по срокам жизнь кажется современным людям более короткой, чем прадедам⁴, и носталь-

¹ Коган Л. Н. Указ. соч. С. 57.

² Там же. С. 62.

³ Там же. С. 78.

⁴ Там же. С. 82.

гировал по временам, когда люди могли себе позволить «созерцание». «Между тем в такие именно часы созерцания и происходит то накопление впечатлений и наблюдений, совершается та незаметная для нас самих работа мысли, без которой невозможно творчество»¹. По его мнению, ситуация, когда «нет времени у человека для Вечности» (Н. А. Бердяев), неминуемо ведет к дегуманизации личности². Последнее высказывание явно перекликается с тем, что будут констатировать в начале XXI в. социологи. Так, С. А. Кравченко, описывая сложность современного социума, отмечает: «...человечество подошло к порогу собственно человеческих возможностей рефлексии быстротечных событий, чтобы принимать по ним адекватные, рациональные, а главное – решения с гуманными целями»³.

Уфимские культурологи В. Л. Бенин и Е. Д. Жукова используют для описания хаотичности, спонтанности социализации личности в современных условиях информационно-коммуникативной среды понятие «мозаичной культуры». Данный тип культуры является следствием «темпорального вакуума», который образуется из-за высокой скорости образования страт, не способных создать устойчивые, интегрированные системы ценностей. Они пишут: «Мозаичная культура разрушила традиционные гуманитарные формы социализации и инкультурации, основанные на линейной логике внутридисциплинарных причинно-следственных связей. Если основным принципом традиционной гуманитарной формы культурной трансляции знаний является упорядочивание понятий, то мозаичная культура как бы «выплескивает» в культурное информационное поле их случайную совокупность»⁴.

В работах Л. Н. Когана переплетены философские, социологические и культурологические основы анализа социального времени. Многогранность личности Л. Н. Когана проявилась, например, в философском исследовании художественного времени, отраженного на страницах бессмертных произведений У. Шекспира, Ф. Достоевского,

¹ Коган Л. Н. Указ. соч. С. 139.

² Там же.

³ Кравченко С. А. Социологическая диагностика сложного социума // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: матер. IV очередного Всерос. социол. конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. [Электронный ресурс]. М. : РОС, 2012. С. 106.

⁴ Бенин В. Л., Жукова Е. Д. Феномен мозаичности как результат дифференциации современного знания // Понятийный аппарат педагогики и образования. Вып. 5. М. : Владос, 2007. С. 164–175. [Электронный ресурс]. URL: culturalnet.ru/main/getfile/1854.

М. Булгакова, в музыкальных произведениях¹. «Социологичность» его понимания социального времени на теоретическом уровне отражается в утверждении связи времени и характера деятельности человека (наполнении времени делами и поступками); значении субъективного восприятия времени, в частности, возраста человека; определении каждого этапа жизни человека как времени освоения и выполнения тех или иных социальных ролей². На уровне конкретных социологических исследований Коган предлагал использовать анализ затрат времени на культурную деятельность в общей структуре бюджета времени личности, группы и общества в целом как надежный индикатор уровня развития культуры³.

Отдельного внимания заслуживает социологическая разработка в его книгах категории актуальной культуры. «Актуальная культура, – пишет он, – прежде всего – временное (и в определенной мере пространственное) понятие ... Образно говоря, это понятие помогает отделить «живую», находящуюся в реальном обращении культуру от культуры «мертвой» или «не востребованной» в данный период»⁴. То, как структурирует актуальную культуру Л. Н. Коган, говорит о том, что в ней как раз и соединяются вечное и временное, вечность и время. К первому, вечному, слою культуры относятся общечеловеческие, непреходящие ценности и национальная классика. Ко второму – явления «культурного потока», быстро сменяющие друг друга, но в то же время способные время от времени «оседать» в слои «вечности».

Проблема актуальной культуры стала предметом исследований другого замечательного представителя Уральской школы социологии – В. Т. Шапко. Он рассматривал культуру с позиций не только статического подхода (как ее особый вид), но и с точки зрения темпоральных характеристик: «Актуальная культура может быть выделена как качественная характеристика культуры, как ее *временная константа*. Соответственно культура предстает как процесс, непрерывное изменение, сложное взаимодействие традиций и новаторства, пре-

¹ Коган Л. Н. *Философия: серьезная и веселая: Очерки о философии Уильяма Шекспира*. Челябинск : ЧИРПО, 1996. С. 96–102; Коган Л. Н. *В четвертом измерении: Философские идеи русской философии*. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1994. С. 173–190.

² Коган Л. Н. *Философия: серьезная и веселая: Очерки о философии Уильяма Шекспира*. Челябинск : ЧИРПО, 1996. С. 97–99.

³ Коган Л. Н. *Социология культуры*. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1992. С. 13.

⁴ Там же. С. 63.

емственности и изменений»¹. Актуальная культура, таким образом, представляет собой своеобразное «сито», производящее селекцию ценностей, норм и других элементов культуры во времени: одни элементы «воскрешаются», другие подлежат забвению, трети создаются в ответ на потребности сегодняшнего дня. Образно представить актуальную культуру можно как «машину времени» с особым механизмом: если обычная «машина времени» переносит героев в определенный период будущего, прошлого или возвращает в настоящее, то описываемая нами «машина времени» «перетаскивает» в настоящее элементы прошлого или воображаемого будущего и приводит их в соответствие с актуальными потребностями современного общества.

Уральский социолог отмечал то же самое качество культуры, формирующееся в условиях постмодернизма, на которое указывал и Л. Н. Коган. Речь идет об усложнении и ускорении темпов жизни, которые как лакмусовая бумага проявляют границы человеческих возможностей в освоении ценностей культуры. «Применительно к личности, – пишет В. Т. Шапко, – актуальная культура есть выражение драматического противоречия – между абстрактной возможностью человека распределить любые ценности культуры в любом количестве и реальной возможностью осуществлять это в весьма узких количественных границах. Если учесть многочисленность явлений культуры, которое уже есть и продолжает стремительно увеличиваться, становится ясно: реально человек может освоить лишь мизерную часть их. В отношениях личности и культуры имеется противоречие и на качественном уровне – между принципиальной возможностью сколь угодно глубоко и всесторонне осваивать любые – сложные, непреходящие, вечные – ценности культуры и реальными возможностями конкретного человека»².

В совместной статье, написанной 10 лет назад (в 2003 г.), Ю. Р. Вишневецкий и В. Т. Шапко поставили очень важную для социологии времени проблему социальной инерции³. Они обратили внимание на то, что это явление имеет не только дисфункциональные, но и функциональные значения. Среди нескольких определений понятия

¹ Шапко В. Т. Феномен актуальной культуры // Социс. 1997. № 10. С. 94.

² Шапко В. Т. Феномен актуальной культуры // Социс. 1997. № 10. С. 101.

³ Вишневецкий Ю. Р., Шапко В. Т. Актуальные теоретико-методологические проблемы социальной инерции // Вестник Уральского государственного технического университета. 2003. № 4 (24).

«социальная инерция» авторы выделили следующее: «Социальная инерция – постепенное, медленное изменение движения, определяемое массой движущегося объекта (являющейся мерой инерции) и связанное с временным характером процессов (в течение определенного времени)»¹. Временной характер социальной инерции проявляется в связи со спецификой социального сознания, отражающего и оценивающего явления в течение определенного периода времени. Любая деятельность или событие имеют тот или иной «вес» или «массу» (значимость, масштабы влияния на различные стороны социальной жизни, глубину «следа»), благодаря которому они впечатываются в общественное сознание и хранятся в социальной памяти. Функциональный анализ социальной инерции позволил Ю. Р. Вишневному и В. Т. Шапко утверждать, что инерционные процессы обеспечивают действие механизмов преемственности, социальной памяти и традиций; задают обществу историческую логику и устойчивость развития; обеспечивают постоянство и воспроизводство взаимодействия социальных групп, общностей, в том числе поколений². Позитивный смысл социальной инерции возможен благодаря единству инерции покоя и инерции изменения. Эта идея о двустороннем характере описываемого явления (сочетание инерции покоя и инерции изменения) хорошо укладывается в логику современного социологического анализа социального времени.

Уральская школа социологии складывалась в советскую эпоху, когда многие темы были табуированы или могли быть прочитаны только «между строк». К таким темам, безусловно, относилось и социальное время, теоретический анализ которого был возможен в социальной философии, но не в социологии. И тем не менее в 1974 г. намного раньше, чем увидели свет работы Л. Н. Когана, вышла книга Г. Е. Зборовского «Пространство и время как формы социального бытия». Это была одна из первых работ советского периода, в которой был проведен глубокий философско-социологический анализ категории социального времени с позиций не только объективного, но и субъективного подходов (за что книга была отнесена к категории

¹ Вишне夫斯基 Ю. Р., Шапко В. Т. Указ. соч. С. 22.

² Вишне夫斯基 Ю. Р., Шапко В. Т. Актуальные теоретико-методологические проблемы социальной инерции // Вестник Уральского государственного технического университета. 2003. № 4 (24). С. 31.

крамольных)¹. Автор отмечал, что, наряду с реальным (физическим) временем, существует перцептуальное и концептуальное время, существующие в сознании людей и отличающиеся по своим свойствам от физического: «В представлениях, воображении часто происходят временные и пространственные смещения, которые свидетельствуют о подсознательном «уплотнении» либо «разрежении», «ускорении» или «замедлении» и т. д. пространства и времени»². Насколько это было возможно в известных идеологических условиях, в книге были показаны различные свойства и проявления социального времени, протекающего не вне, а *внутри человека*.

Особый пласт исследований социального времени в рамках Уральской школы социологии сложился благодаря активному изучению проблемы свободного времени и досуга, осуществленного прежде всего Г. Е. Зборовским и Г. П. Орловым. Необходимо заметить, что в этом направлении исследований социального времени ведущим уральским социологам удалось в полной мере показать возможности социологического метода исследования социального времени, а также соединить теоретический и эмпирический уровни его социологического анализа, рассмотреть наиболее широко категорию социального времени и производные от нее понятия рабочего времени, внерабочего времени, времени досуга, свободного времени³.

Следуя принципам социологического подхода, Г. П. Орлов поставил проблему субъекта социального времени: «...в общественных науках исследователи оперируют категорией времени, не ссылаясь в каждом конкретном случае на определенные события, безотносительно к ним. В теоретическом анализе это допустимо с целью более пристального внимания именно к самой форме бытия. Но здесь нас подстерегают опасности «бессубъектности» в понимании времени. Вдруг обнаружилось, что у времени как будто нет «субъекта-носителя», своего рода «хозяина времени»⁴. Г. Е. Зборовский пред-

¹ Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск: Изд-во «Уральский рабочий», 1974.

² Зборовский Г. Е. Пространство и время... С. 29.

³ Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Проблемы свободного времени в марксистской и буржуазной социологии. Свердловск : Ср.-Урал. книжное издательство, 1970; Орлов Г. П. Свободное время: условие развития человека и мера общественного богатства. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989.

⁴ Орлов Г. П. Свободное время: условие развития человека и мера общественного богатства. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989.

ложил следующий ответ на поставленную проблему: в каждую эпоху, в любом обществе для отдельных классов и социальных групп формируется свой стиль, образ использования времени, соответствующий задачам производства, классовым потребностям и установкам.

Сложившиеся к рубежу XX и XXI вв. традиции Уральской школы социологии потребовали более глубокого развития проблемы свободного времени во взаимосвязи с понятием культуры. Этот важный методологический принцип лежит в основе всех прикладных исследований социального времени, проведенных уральскими социологами за прошедшие десятилетия. Многие из них были посвящены вопросам культуры использования свободного времени представителями различных социальных групп – молодыми уральскими рабочими, учителями, учащимися профтехучилищ.

Безусловно, книги, написанные в 1970–1980-е гг., не могли обойти марксистскую теорию и методологию. Однако многие положения Маркса, касающиеся социального времени, и сделанные на их основе разработки уральских социологов сегодня по-прежнему актуальны и ценны. Нельзя не согласиться с мнением Г. П. Орлова, который отмечал, что свободное время, в отличие от рабочего времени, может быть использовано для усвоения и унаследования культуры и «возвышенной деятельности»¹, что это единственный способ полного развития и реализации сущностных сил человека.

По-прежнему актуальна идея социального ритма, определяемого соотношением рабочего и свободного времени. Социальный ритм как характеристика социального времени общества, с точки зрения Г. П. Орлова, отражает насыщенность определенной единицы рабочего и свободного времени социальными действиями, имеет множество градаций, уровней и форм².

На теоретическом уровне проблема взаимосвязи досуга и культуры была поднята в работах Г. Е. Зборовского, прежде всего в книге «Социология культуры и досуга», которая была издана в 2006 г.³ «Свободное время, – пишет исследователь, – это пространство культурной деятельности, условие, форма и способ ее осуществления. Как правило, возможность такой деятельности связана с наличием време-

¹ Орлов Г. П. Свободное время: условие развития человека и мера общественного богатства. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. С. 58.

² Там же. С. 60.

³ Зборовский Г. Е. Социология досуга и культуры. М. : Альтекс, 2006.

ни, свободного от непреложных дел и заполненного определенным культурным содержанием»¹. Взаимосвязь свободного времени, досуга и культуры по необходимости интегрирует, по его мнению, две самостоятельные отрасли социологической науки – социологию досуга и социологию культуры. В практическом же плане возникает необходимость возвращения к исследованию данной темы, «забытой» в трудные для российской социологии постперестроечные годы.

Сегодня вновь актуализирована проблема социального времени – и в связи с институционализацией социологии времени, и в связи с реальными процессами изменения свойств социального времени в современном обществе, и в связи с тем, что в условиях быстротекущей, нестабильной действительности все настойчивее возникает необходимость «созерцания» времени как фундаментальной, вечной проблемы, дающей возможность обретения устойчивых оснований жизнедеятельности. В связи с этим обращение к опыту исследования проблемы социального времени, накопленному уральскими социологами, кажется необходимым и своевременным.

А. Г. Антипов

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИЗАЦИИ И ГУМАНИТАРИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Острейшей и актуальнейшей проблемой в развитии современного общества, в том числе образования, является его гуманизация и гуманитаризация. Почти трехлетнее обсуждение в нашей стране проекта нового федерального закона «Об образовании» ярко высветило их значимость для социума и развития личности.

Гуманизация и гуманитаризация образования хотя и не тождественные понятия, но очень близкие по своей сути. Гуманизация образования заключается не столько в утверждении человечности в отношениях между субъектами этого процесса. Гуманизация образования – это и ориентация на общечеловеческие ценности: совесть, честь, порядочность, долг, ответственность, справедливость, сочувствие, милосердие и т. п. Без духовного движения все остальные успехи

¹ Зборовский Г. Е. Социология досуга и социология культуры: поиск взаимосвязи // Социс. 2006. № 12. С. 58.